

ВОСПИТАНИЕ И ЕГО ФОРМЫ

С.А. Авалян

ФИЛОСОФСКОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ЖЕСТОКОСТИ

Аннотация. Автор размышляет о причинах человеческой жестокости, оценивая ее как деструкцию эмоционального мира. Жестокость — это морально-психологическая черта личности, которая проявляется в бесчеловечном, грубом, оскорбительном отношении к другим живым существам, причинении им боли и в посягательстве на их жизнь. Также считается, что этот социально-психологический феномен, выражающийся в получении удовольствия от осознанного причинения страданий живому существу, неприемлемым в данной культуре способом.

Ключевые слова: педагогика, психология, жестокость, философия, страдание, боль, позор, садизм, чувство, личность, стоицизм.

Причинение страданий

Причинение страданий оказывается одним из наиболее распространенных (а часто и решающих) средств для достижения личных и общественных целей и благ. Оно приносило и все еще приносит людям власть, славу и удачу и даже... почет. Многие люди предумышленно придумывают способы, которые позволяют вызвать страх, беспокойство и боль, чтобы реализовать собственные замыслы.

Боль является одним из механизмов природного регулирования жизни. Предкам человека не потребовалось много времени, чтобы осознать, что они могут заставлять других исполнять свои приказания с помощью подобного механизма. Способность прачеловека причинять боль другим берет начало, таким образом, в первобытном бытии. Его учителем была сама природа. Но человек оказался способным учеником.

Разнообразие видов боли по мере преобразования организмов низшего типа переходило в более развитые и сложные формы. Каждой новой ткани и органу соответствовали новые ощущения. Когда же появился разум, умственные страдания добавились к страданиям тела и усложнили их. Отчуждение, тревога, беспокойство, унижение, печаль, депрессия, страх, паника и т. п. стали такими же болезненными, как телесная физическая боль. Многие люди готовы подвергнуться физическому страданию, нежели позору.

Оказавшись на вершине эволюции, человек стал самым уязвимым среди организмов, когда ему приходится страдать, и самым изобретательным, когда он в состоянии причинить страдания другим.

Потребовалось десять миллионов лет, чтобы человеческая способность причинять боль и страдания достигла современного состояния.

По мнению американского ученого Р.Дж. Сью, после десяти миллионов генетической и культурной эволюции все основные факторы, необходимые для установления страдания как способа устрашения были, наконец, интегрированы в социальное поведение. Сью называет их 1) причинение страданий как решающего средства приобретения и господства (10 млн. лет до н.э.); 2) появление рук (примерно 3 млн. лет до н.э.) и последующее эволюционное развитие; 3) возникновение способности создавать виртуальное присутствие и реагировать на него (около 600 тыс. лет до н.э.); накопленные изобретения и усовершенствование оружия для нанесения физических повреждений (примерно 65 тыс. лет до н.э.); объединение индивидов в организованные сообщества (около 9 тыс. лет до н.э.). Начиная с девятого тысячелетия до н.э. стремительно развивалось каждое из этих «умений». Причинение страдания возросло по частоте, интенсивности и размерам. Человеческая история оказалась летописью наказаний всевозможных видов, что свидетельствует, по мнению автора, о скрытой генетической склонности к причинению страдания, свойственной человеческому роду¹.

Сью приводит пять примеров наиболее жесточайших способов причинения страдания в истории человечества. 1) В XII в. до н.э. жена китайского императора заставляла заключенных ходить по горящим угольям, смазанных жиром и смеялась, когда некоторые из них, поскользнувшись, падали

¹ Siu R.G. H. Panetics. The study of infliction of suffering. L., 1989.

на пылающее ложе; 2) Во II в. до н.э. ассирийский закон гласил, что некоторых преступников можно наказывать путем принесения их детей в жертву богам; 3) В I в. до н.э. нищие на улицах Рима просили милостыню у патрициев, выставляя напоказ своих детей, специально для этой цели искалеченных; 4) В XIV в. н.э. инквизиторы привязали одного из вождей еретиков к телеге и по мере того, как лошади тащили несчастного через весь город, палачи вырывали у него куски тела раскаленными щипцами; 5) В XIX в. британские поселенцы острова Тасмания (южнее Австралии) травили туземцев собаками и устраивали псовую охоту на них. Делалось это ради спортивного интереса. Трупы подстреленных затем разрезались на куски и скармливались собакам.

Человечество легко впадает в дикость. Это можно иллюстрировать тем, как нацисты уничтожали евреев, фактами современного террора.

По мнению Шопенгауэра, стремление всегда возникает из какого-либо недостатка, из недовольства своим положением, следовательно, представляет собой, пока стремление не удовлетворено, страдание; но удовлетворение никогда не бывает длительным, оно всегда — только начало нового стремления. Мы видим стремление постоянно наталкивающимся на препятствия, постоянно в борьбе; следовательно, всегда как страдание: нет последней цели стремления, нет, следовательно, и меры и цели страдания.

«Жизнь предстает как непрерывный обман в малом и великом. Если она что-либо обещает, — пишет А. Шопенгауэр, — она не держит своих обещаний, разве что для того, чтобы показать, насколько недостойно желания быть желаемое; так как нас обманывает то надежда, то предмет нашей надежды. Если жизнь что-либо дала, то лишь для того, чтобы отнять. Очарование дали рисует нам райские красоты: они исчезают как оптический обман, как только мы поддаемся соблазну увидеть их. Счастье всегда находится в будущем или в прошлом, а настоящее подобно маленькому темному облаку, которое ветер гонит над освещенной солнцем местностью: перед ним и за ним все светло; лишь оно само постоянно отбрасывает тень. Поэтому настоящее никогда не дает удовлетворения, будущее же неопределенно, а прошлое неотвратимо»².

Феномен страдания широко осмысливается и в русской религиозной философии. «Страданием в смысле объективном или логическом называется

определение чего-либо другим, — писал В.С. Соловьев, — для него внешним; этому со стороны субъективной или психической соответствует вообще неприятное или болезненное ощущение какого бы то ни было рода»³.

В.С. Соловьев критиковал точку зрения А. Шопенгауэра, который свел к состраданию всю нравственность. Излагая позицию Э. Гартмана, который полагал, что всякое действительное бытие по существу своему есть страдание и бедствие, В.С. Соловьев подчеркивал: «Итак, в этой системе страдание и отчаяние отдельной особи снимаются в страдании и отчаянии всего сущего, частное, единичное самоубийство заменяется самоубийством всеобщим, коллективным»⁴.

Как показал Н.А. Бердяев отношение христианства к страданию двойственно и парадоксально. Только оно принимает страдание и имеет до конца мужественное отношение к страданию. Христианство учит не бояться страдания, ибо страдали и сам Бог, и Сын Божий. Все остальные учения, считал Н.А. Бердяев, боятся страдания и бегут от него.

Стоицизм и буддизм — высокие типы нехристианских нравственных учений — боятся страдания и учат, как избежать его, как стать к нему нечувствительным и достичь бесстрастия. По отношению к стоицизму русский философ не совсем точен. Стоики не отвергали страдания. Они предлагали идти навстречу опыту жизни, полной горьких переживаний. Вот что пишет, например, римский философ Сенека: «Действительно, каким образом человек, захваченный страстью к удовольствиям, устоит против тяжелого испытания, опасности, нищеты, против столь грозных бедствий, обуревающих человеческую жизнь? Разве у него хватит сил перенести вид страдания и смерти? Разве его не приведут в смятение громовые удары и такое множество лютых врагов, когда он побежден столь захудалым противником? Он будет делать все, что ему внушит страсть к удовольствиям»⁵.

Стоицизм — это учение о самоспасении от страдания и о достижении покоя. Стоическая этика свидетельствует о высоком нравственном усилии человека, но в конце концов, эта этика пессимистическая, потерявшая смысл жизни, этика страха перед страданиями жизни и смерти. Нужно потерять чувствительность к страданию, стать равно-

² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. М., 1993. С. 567.

³ Соловьев В.С. Соч. Т. 1. М., 1990. С. 81.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Сенека Луций Анний. О счастливой жизни // Римские стоики. М., 1995. С. 175.

душным — вот единственный выход. Стоицизм внешне исповедует оптимистическую философию, он верит в мировой разум и хочет согласовать человека с ним для избежания страданий, верит как будто в благость порядка природы. В этом отношении Н.А. Бердяев считал замечательной книгу Марка Аврелия «Наедине с собой»⁶ — одним из самых волнующих человеческих документов, изобличающих внутреннюю природу стоицизма. Стоический оптимизм — искусственный. Но и буддизм, и стоицизм интересны тем, что они поняли, что жизнь есть страдание, буддизм — прямо, стоицизм косвенно. Вопрос о смысле страдания есть основной вопрос этики.

Буддизм признает сострадание, ибо оно может быть способом избавления от муки бытия; любовь же утверждает бытие и, следовательно, муку, любовь умножает скорбь и страдания. Для буддизма, считал Н.А. Бердяев, существует, по сути дела, только физическое, а не нравственное зло. Так и должно быть при отрицании свободы. Зло есть боль, страдание. Всякое бытие есть зло и страдание.

Страдание есть основная тема христианства. Она есть глубочайшая сущность бытия, основной закон всякой жизни. Христианство имеет мужество принять боль и страдание. Буддизм этого мужества не имеет и потому отказывается от бытия, бежит в небытие. Буддизм не знает, как жизнь может быть невыносимой при принятии страдания, не знает тайны креста. Буддизм есть по-своему великое учение о спасении от мук и страдания без Спасителя. Это есть спасение через знание той истины, что бытие есть страдание. И Конфуций, и Будда, и все мудрецы мира искали покоя для человека, свободы от страданий и муки.

Мстительность толпы

Интересный аспект анализа жестокости предлагает известный писатель и мыслитель Э. Канетти. В книге «Масса и власть» он рассматривает феномен преследующей толпы. Канетти отмечает, что этот феномен возникает ввиду быстро достижимой цели. Цель — убийство, и известно, кто будет убит. Жертва известна, четко обозначена, близка. Масса бросается на нее с такой решимостью, что отвлечь ее невозможно. Для того чтобы возникла преследующая масса, достаточно широко объявить, что такой-то должен умереть. Концентрация на убийстве — это переживание особого рода, ни с

чем не сравнимое по интенсивности. Каждый старается пробиться ближе к жертве и нанести удар. Если самому не дотянуться, надо хотя бы видеть, как бьют другие. Все руки будто бы принадлежат одному телу. Но руки, которые достают, ценнее и весомее, чем остальные. Цель — это все. Жертва — это и цель, и точка наибольшей плотности: она связывает собою действия всей группы. Цель и плотность совпадают⁷.

Важной причиной стремительного роста преследующей массы является безопасность предприятия. Оно безопасно, потому что на стороне массы подавляющее превосходство. Жертва убегает или связана, она не может даже обороняться, в беззащитности своей она именно жертва, предназначенная на заклинание. За смерть ее никто не ответит. Свободное убийство — это как бы возмещение за все те убийства, от которых человек вынужден был отказаться из-за страха перед наказанием. Искушению безопасного, дозволенного и даже рекомендованного, разделенного с другими убийства большинство людей не в силах противостоять. Важно еще, что угроза смерти, постоянно висящая над человеком, хоть и не осознаваемая непрерывно, порождает потребность отвести смерть на другого. Эту потребность удовлетворяет преследующая масса.

Это столь быстролетное событие, оно разыгрывается так молниеносно, что чуть замешкаешься, и уже поздно. Стремительность и эйфорическая самоуверенность такой массы производят необыкновенное впечатление. Это возбуждение слепцов, которым вдруг представилось, будто они прозрели. Масса набрасывается на жертву, чтобы одним махом и навсегда освободить от смерти всех, кто ее составляет. В действительности же происходит противоположное. После казни масса еще сильнее, чем когда-либо, ощущает страх смерти. Она распадается и рассеивается, будто ударяясь в паническое бегство. Чем важнее была жертва, тем сильнее охватывающий массу ужас. Она может сохраняться, только если казни следуют подряд одна за другой.

У преследующей массы, полагает Канетти, древняя природа, восходящая к изначальному динамическому единству, известному у людей как охотничья стая. О стаях, которые малочисленностью да и по другим параметрам отличаются от массы, подробно будет говориться ниже. Здесь же речь пойдет о не-

⁶ См.: Римские стоики. М., 1995. С. 271-357.

⁷ Канетти Э. Масса и власть / Элиас Канетти; пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: Астрель, 2012.

которых универсальных ситуациях, порождающих преследующую массу.

Из видов смерти, к которым племя или народ приговаривали отдельного человека, можно выделить две главных формы; первая из них — выталкивание. Человека выталкивают из племени, оставляя там, где он либо умрет с голоду, либо станет добычей хищников. Соплеменники не должны ему помогать: они не имеют права ни защитить его, ни накормить. Общение с ним делает человека нечистым и само по себе преступно. Полное одиночество — это ужасное наказание; изоляция от собственной группы, особенно в примитивных условиях, — это страдание, которое мало кто может вынести. Извращенной формой такого выталкивания является выдача врагу. Если выдают мужчину и выдача протекает без борьбы и сопротивления, наказание считается особенно жестоким и унижительным, будто человека убивают дважды.

Другая форма — это коллективное убийство. Приговоренного выводят в поле и забрасывают камнями. Каждый бросает свой камень, виновный гибнет под градом камней. Никто не исполняет роль палача, убивает вся община. Камни здесь представляют общину, они — знак ее решения и ее поступка. Даже там, где забрасывание камнями больше не практикуется, сохранилась склонность к коллективному убийству. Таково сжигание на костре; огонь замешает массу, желающую приговоренному смерти. Со всех сторон жертву охватывают языки пламени, тянутся к ней и убивают. В религиях, где имеются представления об аде, с коллективным убийством посредством огня, который является символом массы, соединяется идея выталкивания, а именно выпроваживания в ад, выдачи адскому врагу. Адское пламя прямо на земле набрасывается и пожирает предназначенного ему еретика. Протыкание жертвы стрелами, расстрел приговоренного специальной командой — это делегирование общиной своих полномочий группе исполнителей.

Закапывание человека в муравьиную кучу, практикуемое в Африке и кое-где еще, — это перекладывание неприятной обязанности коллективного убийства на муравьев, олицетворяющих бесчисленную массу.

Все формы публичной казни зиждутся на древней практике коллективного убийства. Подлинный палач — это масса, толпящаяся вокруг эшафота. Ей по душе представление: люди стекаются издалека, чтобы увидеть все от начала до конца. Толпа хочет получить, что ей причитается, и не любит, когда жертве удастся избежать казни. В истории осужде-

ния Христа явление схвачено в самой его сути. «Распни его!» — это вопль массы. Она, собственно, и есть активная инстанция: в другое время она взяла бы все на себя, забив Христа камнями. Суд, состоящий обычно из небольшого числа людей, представляет от имени масс, присутствующих потом при казни. Смертный приговор, произносимый от имени права, звучит там абстрактно и неубедительно; он становится реальным после, когда исполняется на глазах толпы. Ибо для нее, собственно, и совершается правосудие, и, говоря о публичности права, подразумевают массу.

В Средневековье казни проводились внушительно и с помпой, они должны были протекать как можно медленнее. Случалось, приговоренный обращался к зрителям с назидательной речью. Этим предполагалась забота об их судьбе (они же не должны поступать так, как он) и демонстрация, как можно дойти до жизни такой. Масса размякала от подобного внимания. Приговоренному могли даже доставить последнее удовольствие: дать постоять в толпе как равному, доброму человеку среди добрых людей, порвавшему с прежней преступной жизнью. Раскаяние злодея или неверующего перед лицом смерти, о чем так пеклись священники, помимо провозглашаемого намерения спасти его душу, имело и другой смысл: оно должно было подвести преследующую массу к предчувствию будущей праздничной массы. Каждый должен ощутить удовлетворение от собственной праведности и верить в награду, ожидающую по ту сторону.

В революционное время казни ускорились. Парижский палач Самсон гордился тем, что он и его помощники управляют со скоростью «человек в минуту». Лихорадочную смену массовых настроений того времени во многом можно объяснить стремительной чередой бесчисленных казней. Массе нужно, чтобы палач показал ей голову убитого. В этот — и ни в какой иной — миг происходит разрядка. Кому бы ни принадлежала голова, теперь она унижена: в этот миг уставившаяся на толпу голова такова же, как все прочие головы. Она могла покоиться на плечах короля — благодаря молниеносному процессу деградирования ее на глазах у всех уравнили с прочими головами. Масса, состоящая здесь из глядящих голов, достигает ощущения равенства в тот самый момент, когда на нее глядит эта голова. Чем выше стоял казненный на социальной лестнице, чем большая дистанция его от них отделяла, тем мощнее восторг разрядки. Если это король или иной властитель, добавляется еще удовлетворение от обращения. Право на кровавый суд,

так долго ему принадлежавшее, теперь обращено против него самого. Те, кого он убивал раньше, убили его самого. Важность обращения невозможно переоценить: есть особая форма массы, возникающая только благодаря обращению.

Роль отрубленной головы, которую держат перед толпой, не исчерпывается тем, что она несет разрядку. Поскольку путем чудовищного насилия толпа признала ее своей, поскольку она, так сказать, упала в толпу и над ней не возвышается, поскольку она такая же, как все остальные головы, — каждый видит в ней себя. Отрубленная голова — это угроза. Масса так жадно впилась глазами в ее мертвые глаза, что теперь ей нет спасения от этого мертвого взора. Поскольку голова принадлежит массе, самой массы коснулась смерть: она пугается и заболевает, вмиг начиная распадаться. Она рассеивается, будто в страхе бежит от головы.

Распад преследующей массы, уничтожившей свою жертву, происходит особенно быстро. Это хорошо знают владыки, власть которых под угрозой. Они бросают массе жертву, чтобы остановить ее рост. Многие политические казни устраивались исключительно для этой цели. С другой стороны, вожаки радикальных партий часто не понимают, что достигнув своей цели, публично казнив опасного врага, они часто наносят себе больший вред, чем враждебной партии. Им может казаться, что после такой казни масса ее сторонников разбредется и она долго или вообще никогда не достигнет прежней мощи. О других причинах такого неожиданного поворота станет известно, когда речь пойдет о стае, особенно об оплакивающей стае.

Отвращение к коллективному убийству — совсем недавнего происхождения. Его не стоит переоценивать. Даже сегодня каждый принимает участие в публичных казнях, а именно через газету. Только теперь он участвует в них, как и во всем другом, с гораздо большими удобствами. Он спокойно сидит у себя дома и из сотен сообщений задерживается на тех, что его особенно возбуждают. Воскликание следует, когда все уже в прошлом, поэтому даже легкая тень вины не омрачает наслаждения. Он ни за что не отвечает: ни за приговор, ни за свидетелей, ни за их показания, ни за газету, которая эти показания напечатала. Однако он знает гораздо больше, чем в прежние времена, когда надо было часами идти и стоять, чтобы в конце концов мало что увидеть. В читающей газете публике сохранилась смягченная, но по причине удаленности от событий столь безответственная преследующая масса, что о ней можно было бы говорить как о самой невыразительной

и одновременно самой стабильной ее форме. Так как ей не нужно собираться, вопрос о ее распаде не возникает, смену впечатлений обеспечивает ежедневный выход газеты.

Масса бегства

Масса бегства возникает в результате общей угрозы. Она бежит, увлекая с собой всех. Грозная опасность для каждого одна и та же. Она сконцентрирована в определенном месте. Она ни для кого не делает различий. Она может угрожать всем жителям города, всем приверженцам какой-то веры или всем, кто говорит на каком-то языке.

Все бегут вместе, потому что так легче бежать. Возбуждение их одной природы: энергия одного возбуждает энергию другого, все устремляются в одном и том же направлении. Пока они вместе, опасность воспринимается как разделенная. Существует древнее поверье, что она ударит в одном месте. Если враг схватит одного, остальные будут спасены. Фланги бегущих открыты, но так широко растянуты, что невозможно даже представить, как враг может напасть на всех сразу. Их так много, что ни один не думает, что жертва — это он. Масса устремляется прочь от опасности, и каждый в ней проникнут ощущением близости спасения.

Что прежде всего бросается в глаза в массовом бегстве, так это мощь его направленности. Масса, так сказать, превратилась в направление — прочь от опасности. Важна лишь цель — место спасения и расстояние до цели, и ничего более. Все дистанции, существовавшие до того между людьми, не имеют больше значения. Самые причудливые и особенные создания, никогда раньше не сходящиеся друг с другом, вдруг оказываются рядом. В бегстве снимаются если не различия, то дистанции между людьми. Из всех форм массы бегство — самая широкая по охвату. Неравномерность ее облика определяется не только тем, что бегут абсолютно все, но и различиями в скорости бегства. Бегут дети и старики, сильные и слабые, тяжело нагруженные и спасающиеся налегке. Пестрота этой картины может обмануть наблюдателя, глядящего извне. Она, эта пестрота, случайна и — в сравнении с мощью направления — совершенно несущественна.

Энергия бегства умножается, если бегущие знают друг друга: они должны толкать друг друга вперед, а не отпихивать в сторону. В тот миг, когда бегущий начинает думать только о себе, а в других видеть лишь помеху, характер массового бегства полностью меняется, и оно превращается в свою

противоположность — в панику, в борьбу каждого против всех, стоящих на его пути. Чаше всего это превращение происходит, когда несколько раз меняется направление бегства. Достаточно перерезать массе путь, чтобы она ринулась в другом направлении. Если путь перерезается еще и еще раз, она уже не знает, куда бежать. Она теряет направление, и ее консистенция сразу меняется. Опасность, до сих пор воодушевлявшая и объединявшая, теперь делает каждого врагом другого, каждый начинает спасаться сам по себе.

Массовое бегство в противоположность панике черпает свою энергию в том, что все бегут вместе. Пока масса не распалась, пока упорствует в неуклонном движении как могучий нерасчленимый поток, до тех пор страх, который ее гонит, остается переносимым. С самого момента возникновения она отмечена своего рода восторгом — восторгом совместного движения. Опасность грозит одному не меньше, чем другому, и хотя каждый бежит или скачет изо всех сил, чтобы скорее достичь безопасности, у него все же есть свое место в этом потоке, которое он знает и которого держится посреди всеобщего возбуждения.

Во время массового бегства, которое может длиться дни и недели, кто-то остается позади, потому ли, что выбился из сил, потому ли, что настигнут врагом. Он исключен из общей судьбы. Он стал жертвой, принесенной врагу. Сколь бы полезен он ни был как попутчик, для бегущих он важнее как павший. Вид его наполняет изнуренных новой силой. Он оказался слабее, и на него пал жребий. Одиночество, в каком он оказался, в каком они успели его мельком увидеть, заставляет их еще выше ценить тот факт, что они вместе. Невозможно переоценить важность павших для сплочения массы бегства.

Естественным завершением бегства является достижение цели. Оказавшись в безопасности, масса распадается. Бегство может закончиться и досрочно, если вдруг опасность самоликвидировалась в самом ее источнике. Например, объявлено перемирие и городу, откуда все бежали, уже ничто не угрожает. Люди поодиночке возвращаются туда, откуда бежали вместе; они снова разделены, как и раньше. Есть и третья возможность: масса не то чтобы распадается, но иссыкает, как поток в песках. Цель далека, окружение враждебно, люди голодают и изнемогают. Не единицы уже, а сотни и тысячи остаются лежать на дороге. Физический распад происходит постепенно, начальный импульс движения держится бесконечно долго. Люди ползут вперед, когда нет уже и надежды на спасение. Масса бегства — самая стойкая из всех

форм массы: оставшиеся держатся вместе до самого последнего мгновения.

Примерам массового бегства поистине нет числа. Наше время пополнило их запас. До событий прошедшей войны вспоминалась прежде всего судьба Grande Armee Наполеона при его отступлении из России. Это замечательный случай: армия, состоявшая из людей многих языков и стран, ужасная зима, огромные расстояния, которые большинству предстояло отмерять собственными ногами; это отступление, выродившееся в массовое бегство, известно в подробностях. Бегство мирового города в столь огромных масштабах человечество испытало, пожалуй, впервые, когда немцы подошли к Парижу в 1940 г. Исход длился недолго, потому что вскоре наступило перемирие. Но масштаб и интенсивность бегства были столь велики, что для французов оно стало главным массовым событием прошедшей войны.

Не стоит здесь перечислять примеры из новейшего времени. Они еще свежи у всех в памяти. Стоит, однако, подчеркнуть, что массовое бегство люди знали уже тогда, когда жили еще очень маленькими группами. Оно существовало в их представлениях еще до того, как стало фактически возможным благодаря росту их численности. Вспомним версию эскимосского шамана: «Небесный простор полон голых существ, мчащихся по воздуху. Это люди, голые мужчины и голые женщины, летят, нагоняя бурю и вьюгу. Слышите их свист? Шум, будто в небе бьют крыльями стаи огромных птиц? Это ужас и бегство голых людей!».

Масса запрета

Масса особого рода образуется вследствие запрета: собравшись вместе, люди больше не хотят делать то, что они до сих пор делали поодиночке. Запрет внезапен, они налагают его на самих себя. Это может быть старый запрет, к тому времени забытый, или же такой, который время от времени возобновляется. Но он может быть и совсем новым. Во всяком случае, действует он с огромной силой. В нем есть безусловность приказа, но решающую роль играет его негативный характер. Он никогда не приходит извне, даже если это выглядит именно так. В действительности он всегда возникает из потребности самих участников события. Как только запрет сформулирован, начинается образование массы. Все перестают заниматься тем, чего от них ожидает внешний мир. То, что делалось ими до сих пор без всякого

шума, как что-то естественное и вовсе нетрудное, теперь вдруг перестает выполняться, не делается ни за что, ни за какие посулы. По решительности отказа опознается принадлежность к общности. Негативность запрета характеризует эту массу с самого момента ее возникновения и, пока она существует, остается ее важнейшей чертой. Можно было бы даже назвать ее негативной массой. Она рождена сопротивлением: запрет — ее граница и плотина; граница непроходима, плотина непроницаема. Каждый контролирует другого — остается ли тот частью плотины? Кто сдался и перешагнул через запрет, будет осужден и отвергнут.

Лучший пример негативной или запретной массы в наше время — это стачка. Труд рабочих свойственна регулярность и привычность. Он состоит в действиях, разных по характеру, но начинающихся и завершающихся одновременно. Они одновременно приступают к работе и так же одновременно покидают рабочие места. В этом отношении они равны. У большинства из них — ручной труд. Они схожи еще и в том, что за свою работу получают плату. Но зарплата различна и зависит от того, что и сколько сделано каждым. Так что равенство простирается не очень далеко. Самого по себе его недостаточно для образования массы. Когда же дело доходит до стачки, все радикально уравниваются одним только фактом отказа от работы. Такой отказ поглощает человека целиком. Запрет создает обостренное и способное к сопротивлению сознание.

Момент прекращения работы — это великий момент, воспетый в рабочих песнях. В этот миг рождается чувство облегчения, с которым связывается самый смысл стачки. Фиктивное равенство, о котором рабочим твердили всегда, но которое на деле ограничивалось лишь тем, что все они работают руками, вдруг становится подлинным. Пока они работали, они делали разные вещи, а именно те, что приказано было делать. Когда работа остановлена, все делают одно и то же. Как будто бы все они одновременно решили опустить руки и употребить все силы на то, чтобы их не поднимать, как бы ни голодали они сами и их родные. Прекращение работы делает рабочих равными. По сравнению с силой воздействия этого момента конкретные требования мало что значат. Объявленной целью стачки может быть, например, повышение заработной платы; разумеется, в отношении этой цели они едины. Но одной ее не хватило бы для образования массы.

Опущенные руки оказывают заразительное воздействие на все другие руки. В «делании начинает

соучаствовать все общество. Стачка, расширяющаяся «из чувства солидарности», не дает заняться собственным делом и другим — тем, кто даже не думал прекращать работу. Именно в этом смысл стачки: все должно остановиться, если рабочие стоят. Чем более это удастся, тем вероятнее перспективы победы стачки.

Внутри самой стачки особенно важно, чтобы провозглашенный запрет соблюдался каждым. Спонтанно из самой массы формируется организация. Она выполняет функции государства, которое возникает в полном сознании своей кратковременности и проводит в жизнь лишь очень малое количество законов, но уж их-то проводят строжайшим образом. Доступ к месту стачки охраняется пикетами, рабочие места становятся запретной зоной. Благодаря наложенному на них запрету они лишаются своего обыденного характера и обретают особое достоинство. Ответственность за них несут все вместе, и это превращает их в совместное достояние. Как таковое они оберегаются и наполняются высоким смыслом. В их пустоте и покое чудится нечто священное. Каждый, кто к ним приближается, подвергается проверке на убеждения и образ мыслей. Кто идет с мирскими намерениями, то есть просто с желанием работать, тот враг и предатель.

Организация следит за справедливым распределением денег и продуктов. Того, что имеется, должно хватить на возможно более долгий срок. Важно, чтобы каждый получал одинаково мало. Сильному не придет в голову, что ему положено больше, даже жадные охотно демонстрируют умеренность. Поскольку денег и продуктов обычно мало, а дележка подозрений не вызывает, ибо все делается публично, этот способ распределения позволяет массе гордиться своим равенством. В такой организации есть нечто необычайно серьезное и достойное уважения. Если массе обычно свойственны дикость и жажда разрушения, нельзя не отметить достоинство и чувство ответственности такой вот структуры, возникающей из самой сердцевины массы. Именно потому и важно пронаблюдать за массой запрета, что в ней проявляются эти свойства, противоположные свойствам «нормальной» массы. Пока она верна своей сути, она против любого рода разрушений.

Правда, удержать ее в таком состоянии оказывается нелегко. Если дела идут плохо, нужда крепчает, если в особенности стачка подвергается нападению или осаде, негативная масса выказывает стремление превратиться в позитивную и активную. Бастую-

щим, которые вдруг отняли у своих рук привычное им дело, становится трудно держать их в бездействии и дальше. Если они чувствуют, что единство стачки под угрозой, возникает тяга к разрушению, прежде всего в сфере их привычной работы. В этом, собственно, и состоит важнейшая задача организации: сохранить для массы ее собственный характер

как негативной массы, массы запрета, воспрепятствовав отдельным позитивным акциям. Она также должна определить, когда настанет момент снять запрет, которому масса обязана своим существованием. Если ее решение соответствует чувствам массы, отменяя запрет, она прекращает собственное существование.

Список литературы:

1. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: Астрель, 2012.
2. Римские стоики. М., 1995.
3. Сенека Луций Анний. О счастливой жизни // Римские стоики. М., 1995.
4. Соловьев В.С. Соч. Т. 1. М., 1990.
5. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. М., 1993.
6. Siu R.G. H. Panetics. The study of infliction of suffering. L., 1989.

References (transliteration):

1. Kanetti E. Massa i vlast' / per. s nem. L.G. Ionina. M.: Astrel', 2012.
2. Rimskie stoiki. M., 1995.
3. Seneka Lutsiy Anniy. O schastlivoy zhizni // Rimskie stoiki. M., 1995.
4. Solov'ev V.S. Soch. T. 1. M., 1990.
5. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie. T. 2. M., 1993.
6. Siu R.G. H. Panetics. The study of infliction of suffering. L., 1989.